

РУССКИЙ ЯЗЫК НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Исследовательский интерес к процессам, происходящим в русском языке постсоветского времени, вполне понятен - редко лингвисты могут наблюдать столь стремительный виток языковой эволюции. Все бурные языковые изменения вызваны социальными, экономическими и политическими переменами, стремительность которых обуславливает впечатление языковых катаклизмов. Это обстоятельство дает основания многим людям, в том числе и лингвистам, говорить о порче, распаде, разложении, кризисе, упадке современного русского языка и ставить вопрос о его сохранении и спасении.

Прежде всего обращает на себя внимание громадный массив новой лексики, еще не включенной в толковые словари или зафиксированной в словарях последнего десятилетия, которая стремительно заполняет те тематические пространства, которые с наибольшей полнотой отражают изменения, происходящие в жизни общества:

- политика, государственное устройство, идеология (*антиноменклатурный, антиправо, антиправовой, конформизм, сталинщина*);
- экономика, финансовое дело (*акционирование, акционерно-биржевой, антирыночник, безвалютный, безналичка, безналоговый, бизнесменка, бессобственнический, бизнес-центр, брокер, ваучер, инвалюта*);
- религии, верования (*буддолог, гуру, даосизм, карма, кришнаиты, лама, махаяна, чакры, экуменизм*);
- медицина (*акупунктура, антиспидовский, антистресс, мануальный, СПИД, хоспис*);
- армия, охранительные органы (*бандформирование, гулаговский, декриминализация, ОМОН, омовский, омовец, отказник, силовик*);
- область паранормальных явлений (*телекинез, телекинетический, экстрасенс*);
- массовая культура (*диск-жокей, рок-клуб, шоу, шоу-бизнес*);
- современная молодежная музыка (*мейнстрим, рейв, рэп*);
- молодежная субкультура (*бодипирсинг, пирсинг*);
- спорт, игры (*армрестлинг, бодибилдинг, боулинг, качок*);
- кушанья, напитки (*баночный коктейль, гамбургер, крекер, поп-корн, тоник, чизбургер, шаурма*);
- предметы обихода, украшения, игрушки (*биотуалет, джакузи, микроволновка, тамагочи, тисы, трансформер*);
- одежда, фасоны одежды (*боди, бюстье, капри, карго, косуха, парка, свингер, слаксы, топless, шазюбль*);
- ткани, материалы (*крэг, лайкра, наппа, нубук, органза, стреч, эластан*);
- косметика (*гель, скраб, кондиционер*).

Наиболее важный (если не основной, то, во всяком случае, наиболее очевидный) источник новой лексики - заимствования (преимущественно из американского варианта английского языка): *имидж, киллер, мейнстрим, ноутбук, он-лайн, папарацци, поп-корн, прайс, пресс-релиз, промоутер, ремикс, сайт, секьюрити, сиквел, сингл, слоган, тамагочи, ток-шоу, трани, холдинг, эксклюзивный* и множество других, разной степени освоенности. При этом многие частотные слова, преимущественно термины информатики, употребляются в текстах современных газет, журналов, деловой литературы в написании латиницей, что демонстрирует их недостаточную освоенность языком (*Unix, notebook, BMW, CD, CD-ROM, Coca-Cola, Hi-fi, IBM, mass-media, on-line,*

Pentium, PR, VIP, Windows). Встречается также еще одно новое языковое явление, свидетельствующее о начальном этапе освоения иноязычной лексики русским языком, - комбинированное (латиницей и кириллицей) написание сложносоставных слов (*IBM-совместимый, PR-акция, PR-бизнес, PR-менеджер, VIP-клиент, VIP-номер, VIP-мероприятие, Web-сайт, Web-страница, Web-сервер*), а также некоторых слов, образованных от иноязычного слова по словообразовательной модели русского языка (*PRщик, VIPовский* и т. п.). Этот лексический материал чрезвычайно важен для лингвистической науки и для современного языкового сознания, так как дает возможность «схватить» момент соприкосновения двух разноязычных систем и зафиксировать самый первый шаг на пути процесса заимствования слова.

Массовый характер заимствований, их интенсивность и стремительность адаптации в русском языке вызывает крайне негативную реакцию многих членов общества, обычно тех, чья профессиональная деятельность так или иначе связана со словом: преподавателей, переводчиков и некоторых лингвистов. Существует даже мнение о «языковой интервенции». По нашему мнению, массив заимствований, обусловленный экстралингвистическими причинами, - открытостью современного российского общества для международных связей и контактов, - не грозит русскому языку ни «засорением», ни тем более «интервенцией». Современный русский язык, как впрочем и русский язык прошлого, - устойчивая система, которая хорошо адаптирует чуждые элементы, приспособляя их к своим лингвистическим системам и заставляя служить своим целям. Трудно представить современный русский язык без таких слов, как, например, *сеанс, сезон, факт, результат, социальный* и т.п. - не будь их, как бы мы выражали соответствующие им понятия? Однако 130 лет назад эти слова вызывали раздражение и протест не меньше, чем современные *имидж, дилер, менеджер*. В 1873 году славянофил Платон Лукашевич с горечью констатировал: «Мы смеялись некогда над иностранными словами, введенными в наш язык в первой половине 18 века: *ассамблея, элоквенция, баталия*; что же они значат против нынешних: *инициатива, культура, интеллигенция, прогресс, гуманность, цивилизация, сеанс, сезон, факт, эффект, результат, объект, рутинa, реальный, нормальный, актуальный, социальный, популярный, национальный, индивидуальный, элементарный*, словом сказать, что значат эти прежние иностранные слова против всего французского словаря, введенного в наш язык?» [цит. по: Виноградов 1994: 229].

Интенсивная демократизация языка в сочетании с отменой цензуры привела к тому, что потоки сниженной, жаргонной, а нередко и уголовной и нецензурной лексики вышли за пределы своей социальной среды и стали достоянием всех жанров, требующих экспрессии: художественных текстов, газетных и телевизионных репортажей, публицистических выступлений, политических дебатов. *Балдэж* (наркотическое опьянение; удовольствие), *беспредел* (беззаконие; в уголовном языке обозначает также группировку преступников, отошедших от криминального мира), *разборка* (выяснение отношений; самосуд), *на халяву* (не затрачивая средств или усилий), *лох* (разиня; потерпевший), *кинуть, взять на понт* (обмануть), *навар* (доход), *не светит* (не получится что-л., не будет успеха) - вот ничтожный список слов уголовного жаргона, ставших общеизвестными и общеупотребительными. Характерно, что исследователи склонны считать многие жаргонизмы уголовной среды, не утратившие связи с этой средой, такие, как *мусор* (милиционер), *обуть* (ограбить, обобрать), *важняк* (следователь по особо важным делам), *мочить* (убивать), *ксива* (паспорт) и др. достоянием «общего жаргона», при этом под общим жаргоном понимается «тот пласт современного русского жаргона, который, не являясь принадлежностью отдельных социальных групп, с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой информации и употребляется (или по крайней мере понимается) всеми жителями большого города, в частности, образованными носителями русского литературного языка» [1]. Тот факт, что жаргонизмы теперь уже, как правило, не поясняются в текстах, не требуют «перевода» на

стандартный и общепринятый язык, свидетельствует о том, что они «если еще и не вошли, то уже ворвались в речевой обиход образованного общества» (Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994), демонстрируя «свободу самовыражения» и право на выбор любых выразительных средств.

Вполне понятно, что ни заимствования, ни жаргонизмы не могли бы с таким напором хлынуть в язык, если бы не были востребованы обществом и не обслуживали бы его потребности.

Подобным образом и современное словообразование, по выражению Е.А. Земской, «используя морфемный состав языка, выполняет заказ общества на создание необходимых для коммуникации наименований» [2]. Процесс современного словообразования лавинообразен и неуправляем. Здесь действует языковая стихия: новые производные слова образуются и входят в речевое употребление не постепенно и ступенчато, как это бывает в периоды "спокойного" языкового развития, а стремительно, одномоментно, когда в соответствии с потребностями языкового коллектива, в связи с актуализацией того или иного понятия, в речевой обиход обрушивается сразу громоздкое словообразовательное гнездо. Ср. сформировавшееся на наших глазах словообразовательное гнездо при слове *наркотики*: *наркозависимость, наркозависимый, наркобанда, наркобизнес, наркобизнесмен, наркоделец, наркодоллары, нарколог, наркологический, наркология, наркоман, наркоманизация, наркоманический, наркомафия, наркомания, наркорубли, наркосредства, наркота, наркотизация*. Активизировались многие словообразовательные аффиксы: *де-, раз-, пост-, после-, не-* и др.: *деидеологизация, декоммунизация, департизация, десоветизация, деструктивный; послеавгустовский, послеоктябрьский, послеоттепельный, послепутчевый, послесоветский, послесталинский; постсоветский, посткоммунистический, постперестроечный; разгосударствление, раскрестьянивание; неотоваренный, неконвертируемый, неполитизированный, недемократ, недемократичный, неправовой, нерыночный, неформальный*. Новые словообразовательные форманты, такие, как *видео-, аудио-, нарко-, секс-, эко-* и др. формируют новые представления о мире (*видеоиндустрия, видеопиратство, наркобизнес, наркорубли, наркосредства, сексменьшинства; экогенез, экокатастрофа, экосистема*). Что касается привычных словообразовательных формантов, то и они, регулярно включаясь в словообразовательный процесс, также отражают новый мир - ср. новые слова со старым формантом *анти-*: *антивоенный, антидемократ, антиельцинский, антизаконный, антиконституционный, антиленинский, антиноменклатурный, антиперестроечный, антиреклама, антирыночник*. Наблюдается новая волна аббревиаций (*ГКЧП, ГУЛАГ, КПРФ, ЛДПР, НДР, НЛО, ОМОН, СКВ, СОБР, СПС, АО, АПК, ГКО, СЕ, ГНС, ДВР, ЕВС, РУБОП, МЧС*), причем, как правило, аббревиатуры также вступают в словообразовательный процесс, образуя целые ряды новых производных слов (*бэтээровец, бэтээровский, гэкачепист, гэкачепистский, гэпушник, омоновец, омоновский, рубоповец, ОВРовцы*). Весьма выразительна в этом отношении милицеская аббревиатура *БОМЖ* ([лицо] без определенного места жительства), давшая русскому языку за короткое время не только существительное *бомж*, но и серию его производных: *бомжиха, бомжонок, бомжевать, бомжатник*.

Обычные, привычные "старые" слова претерпевают такие глубокие изменения (семантические, стилистические, сочетаемостные, оценочные и другие), что это сделало бы их смысл закрытым, непонятным для человека, чье языковое сознание осталось на уровне 1985 года, если такое возможно предположить (*валютная проститутка, валютный коридор, гуманитарные продукты, информационное поле, рублевый бар, рублевая игра в казино, теневой рынок, рынок изобретений, экология языка* и др.).

Группу языковых инноваций составляют процессы уникальные - свойственные русскому языку в постсоветский период.

Одним из таких процессов следует назвать возвращение с периферии общественного языкового сознания в активное употребление лексики, связанной с наименованиями "вернувшихся" в жизнь нашего общества реалий, некоторых общественных явлений, а также нравственных категорий (*акциз, атаман, аудитор, гильдия, гимназия,*

градоначальник, лицей, губернатор, гувернёр, атаман, аудитор, благотворительность, милосердие, милостыня, меценат, призрение, думец, казна, казнокрад, казнокрадство, костоправ, казачество, кадетский корпус, приют, прислуга, чиновник). Эти слова сопровождалась в словарях советского времени либо пометой "устар.", либо комментариями "в старину", "в дореволюционной России" и т. п. Подобным образом вернулась с периферии массового языкового сознания лексика, в прошлом стойко ассоциировавшаяся с категориями буржуазного общества и имевшая соответствующие комментарии в предшествующих словарях ("в буржуазном обществе", "в капиталистических странах") и обозначающая теперь реалии, соотносимые с российской действительностью: *инфляция, мафия, коррупция, многопартийность, стачка, забастовка, стачком, неимущий, безработица, бизнес, бизнесмен, капитал, банкир*. Сюда же относятся широко распространенные в современной России наименования реалий и явлений, заимствованных из социального устройства зарубежных стран (*мэр, мэрия, парламент, муниципалитет, офис, фермер*).

Ещё об одном из процессов может быть назван процесс ресемантизации - он связан с восстановлением исходных значений слов за счет снятия идеологических наслоений и запретов советского времени. Он меньше других исследован, хотя, по нашему мнению, наиболее важен для понимания подлинных, глубинных языковых изменений современности.

В советский период истории русского языка, когда, по словам Н.Бердяева, «идеологи коммунизма... низвергли религию, философию, мораль, отрицали дух и духовную жизнь» роль и функции языка трансформируются: из средства коммуникации язык превращается в средство насилия, становясь при этом объектом насилия. Тоталитарное языковое сознание формировалось не только с помощью лозунгов и прямых запретов, но и с помощью продуманных и внедряемых в сознание людей семантических искажений. При мощном идеологическом воздействии на язык оценочная модальность базировалась не на традиционных и общих представлениях о мире (таких, как добро и зло, свет и тьма, жизнь и смерть и под.), а на знаниях и истинах, навязанных, внушенных и пропагандируемых в обществе.

Особый и наиболее значимый разряд "вернувшейся" лексики составляют термины религий, прежде всего православия: *священник окормляет детскую больницу, освятили квартиру (офис, корабль, школу), паства, иерарх, псалмы, тропари, пастырь, приход, духовные чада, соборование, владыка, миряне, таинство, причащение, новомученики, рукоположение, канонизация новых русских святых* - слова, ставшие привычными в современных текстах радио- и телепередач, на страницах газет. Восстанавливается их смысл и положение в лексической системе, в лингвистической науке исследуются религиозные тексты [3] ставится вопрос о роли и месте религиозной лексики в лексической системе современного русского языка и о существовании особого церковно-религиозного функционального стиля [4] издаются новые словари православной лексики.

Фрагментарность данной статьи обусловлена громадностью материала и неисчерпаемостью связанных с ним лингвистических проблем, что, вероятно, может создать впечатление хаотичности. Целью этой статьи было еще раз показать, что нет оснований тревожиться за судьбу русского языка или говорить о его «порче». О порче языка можно говорить тогда, когда язык утрачивает свою функциональную состоятельность - когда нарушаются его функции (коммуникативная, информационная, номинативная, когнитивная, эстетическая и другие, менее важные) или когда останавливаются или деформируются обычные языковые процессы (семантический, номинативный, словообразовательный), чего нельзя сказать о современном русском языке, который, как бы ни был «засорен», сохраняет свою функциональную активность, и даже обнаруживает повышенную интенсивность всех нормальных языковых процессов. Процессы, происходящие в русском языке на рубеже веков, только на первый взгляд производят впечатление языковых катаклизмов - в действительности они реализуют гибкость и жизнеспособность современной языковой системы, в них больше закономерного, чем случайного и больше вселяющего надежду, чем катастрофического.

Со временем языковая система адаптирует чужеродные элементы (заимствования, жаргонизмы) и приспособит их для своих номинативных или стилистических потребностей, или, не найдя им применения, отторгнет. Что касается «языкового кризиса» наших дней, то он проявляется не на уровне языковой системы, а в сфере культуры речи и отражает крайне низкий уровень владения языком - либо массовое косноязычие, либо языковую разнузданность. «Языковой кризис» обусловлен, сформирован, поддерживается и провоцируется кризисом общества, и «спасение языка» может произойти только естественным путем как следствие спасения общества.

Литература:

1. Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. Под общим руководством Р.И.Розиной. -М., 1999.

2. Земская Е.А. Лингвистическая мозаика: Особенности функционирования русского языка последних десятилетий XX века. -М., 1997.

3. Мечковская Н.Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. - М., 1998.

4. Гостеева С.А. Религиозно-проповеднический стиль в современных СМИ //Журналистика и культура русской речи. -М., 1998. Вып. 2.